ТОНИО
ХЁЛЬШЕР

НЫРЯЛЬЩИК ИЗ ПЕСТУМА

юность,
эрос и море
в древней
греции

Тонио Хёльшер
Ныряльщик из Пестума. Юность, эрос и море в Древней Греции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792631
Ныряльщик из Пестума: юность, эрос и море в Древней Греции:
ISBN 978-5-91103-701-7

Аннотация

Известный немецкий археолог Тонио Хёльшер предлагает свою интерпретацию фресок так называемой *Гробницы ныряльщика* в Пестуме, открытой в 1968 году, - уникального памятника греческой живописи классического периода. Восстанавливая исторический контекст произведения, Хёльшер расходится с его метафизическими толкованиями и рассматривает сцену ловкого прыжка юноши в воду исходя из значимости физического, телесного начала для жизненного уклада древних греков. Культура взросления, престиж тренированного тела, эротизм оказываются, согласно его выводам, ключевыми элементами общественной жизни как в греческом полисе, так и за его пределами, в «антимире» диких пространств.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 5
01 10
02 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Тонио Хёльшер
Ныряльщик из Пестума: юность, эрос и море в Древней Греции

© 2021 Klett-Cotta J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart

Russian edition published by arrangement with Michael Gaeb Literary Agency

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 202

Мир прекрасен – это-то и грустно.
Станислав Ежи Лец

Моим студенткам и студентам

Предисловие

Изображение ныряльщика из гробницы в Пестуме (по-гречески город назывался Посейдония) – одно из тех редких произведений античного искусства, что сразу обращают на себя внимание и навсегда остаются в памяти у самых разных зрителей. Для любителей античного искусства теплые краски этого редкого памятника великой греческой живописи – живительный прорыв за пределы белоснежного мира мраморных статуй; а изящество и грация, с какими передан неожиданный мотив прыжка в воду, неодолимо притягательны сами по себе. Для ученого же это уникальное изображение – невероятный вызов: кажется, что, пока ты не понял эту картину, какая-то существенная часть античной культуры остается тебе недоступна.

На первый взгляд ничего непонятного в изображении нет: юноша ныряет вперед головой с вышки. Прочие фрески гробницы изображают веселую пирушку (симпосий) – распространенный, хорошо известный сюжет в античном искусстве и литературе. Смущает нас, видимо, как раз несоответствие между обыденностью этой пляжной сцены и ее уникальностью в изобразительном искусстве. Может быть, прыжок в воду здесь нечто большее, чем простая повседневность? Может быть, перед нами вовсе не сцена из жизни, а символ мистических представлений и надежд? Нужно ли в таком случае и симпосий трактовать символически? И что означают эти изображения в гробнице?

Лично я с самого начала склонялся к мнению, что перед

нами повседневные сцены процветающей культуры. Но мнение – еще не аргумент. Лишь когда я отыскал факты и свидетельства, позволяющие локализовать сюжеты этих изображений во времени и пространстве античной культуры, стало возможным перекинуть мост к реальной жизни древних греков.

Фрески *Гробницы ныряльщика* обладают таким непосредственным обаянием, что их непременно хочется представить широкой публике. Поэтому в основном тексте я старался избегать ученой аргументации и специальных терминов. Научная дискуссия представлена в библиографическом очерке в конце книги.

Свою интерпретацию *Гробницы ныряльщика* я впервые представил публике в Тюбингене на конференции по случаю выхода на пенсию Томаса Шефера. Сорок лет назад, в 1970-е годы, в пору всеобщего молодежного подъема, они с Хайди Хенлайн-Шефер были моими первыми аспирантами. Чем не повод вновь задуматься о положении молодежи – в Античности, но не теряя из виду и современность. Притягательность *Пестумского ныряльщика* объясняется не в последнюю очередь культурно обусловленным представлением о молодости как о времени широчайшей свободы; молодежь, становящуюся взрослыми, отпускали в особый мир вне нормированного порядка, мир наслаждения жизнью и бесшабашной удали. Возможно, эта фреска так привлекает нас по контрасту с тотальным контролем, с помощью которого молодежь сегодня

готовят к «суровой правде жизни», загоняя юные души на бетонное шоссе стандартизированного образования, огражденное обязательными предметами, аттестатами, дипломами и стереотипными экзаменами.

Разумеется, Античность не может служить образцом для современных форм социальной жизни; слишком сильно изменились с тех пор культурные и антропологические представления о человеке, его физическом и психическом устройстве. Но в более общем смысле мы по-прежнему можем отталкиваться в своих размышлениях от античного наследия. Ведь греки с большим воодушевлением делали ставку на полное раскрытие способностей тела и души, на жизнелюбие и жажду риска; их результаты впечатляют.

Вот почему я посвящаю эту книгу моим студенткам и студентам, которые передают новым поколениям вдохновение и импульсы античной культуры.

Исследовать *Гробницу ныряльщика* было огромным удовольствием в том числе и потому, что я получал помощь и одобрение с самых разных сторон. Габриэль Цухтригель приветствовал и поддерживал проект этой книги, продолжив развитие ее основных положений уже в собственной работе, а также критическими замечаниями помог улучшить мой готовый текст. Алики Мустака, Виктория Сабетай и Катя Шпорн обратили мое внимание на важные данные и памятники. Полезными сведениями поделились также Даниэль Греплер, Густав Адольф Леман и Анне Пауле. Не в послед-

нюю очередь меня вдохновляли во время работы похвала и критика Фернанды Хёльшер. Всем им я приношу сердечную благодарность!

Христоф Зельцер с воодушевляющим энтузиазмом включил книгу в план издательства Клетт-Котта, и благодаря ему был расширен ее историко-культурный контекст; весь процесс издания протекал под его компетентным и творческим руководством.

Марина Шейерман и сотрудники отдела иллюстраций, дизайна и верстки придали книге вид, который очень меня радует. Петра Глокнер отредактировала текст, проявив прекрасное чувство языка. Я от души благодарю всю команду.

Тонио Хёльшер

Гейдельберг, февраль 2021

01
Гробница, город и жизнь: проблемы сенсационной находки

Итальянские археологи, раскапывавшие в 1960-х годах некрополи античного города Пестум (по-гречески Посейдония) под чутким руководством суперинтендента Марио Наполи, 3 июня 1968 года натолкнулись на гробницу, мгновенно ставшую главной достопримечательностью этого знаменитого исторического места *(илл. 1–6)*. Камера площадью 1,93 × 0,96 м и высотой 0,79 м внутри оказалась украшена – по стенам и на потолке – уникальными росписями высочайшего художественного качества. Гробница была сложена из массивных известняковых плит; они были так аккуратно пригнаны друг к другу под тонким слоем штукатурки, что фрески внутри сохранили поразительную яркость красок.

По стенам гробницы изображен симпосий на шести ложах; на четырех из них расположились пары – взрослый мужчина и юноша. Градации возраста переданы с большим тщанием: зрелые мужи с бородой и усами, юноши с пушком на щеках и подбородке и безбородые эфебы. В середине северной (длинной) стены младший изящным движением выплескивает последние капли из своего кубка в невидимую цель; эта популярная игра называлась «коттаб», играли в нее

на благосклонность возлюбленного. Его старший товарищ завороженно смотрит на пару на соседнем ложе. Там двое уже поставили кубки на стол и переходят к любовной игре: младший еще водит пальцами по струнам лиры, но старший поворачивает к себе его голову, и они готовятся слиться в поцелуе – старший вперяется в возлюбленного страстным взглядом, младший откликается сдержанным, как предписывает приличие, жестом. На противоположной стене двое на срединном ложе пока лишь нежно смотрят друг на друга. Справа младший играет на двойной флейте (авлосе), а его старший друг в восторге запрокинул голову, схватился рукой за темя и, судя по приоткрытому рту, подпевает. На обеих стенах третье ложе занято одинокими взрослыми мужчинами. Один протягивает руку с кубком, словно приветствуя кого-то, другой демонстративно широким жестом отводит в сторону лиру и, держа в другой руке яйцо – видимо, дар любви, – с любопытством смотрит в том же направлении. Лица и жесты передают широкий спектр эмоций.

1-4

Симпосий. Гробница ныряльщика. Пестум. Около 480 г. до н. э.

На короткой западной стене нам предстают еще двое участников симпосия: красивый безбородый юноша, чья нагота эффектно подчеркнута ярким синим шарфом, вскидывает руку в приветственном жесте, а за ним следует бородатый взрослый в накидке и с посохом; предшествует юноше совсем юная музыкантша с авлосом. Идут они на пир или с пира? Ответ на этот вопрос подсказывают остальные сцены. На стене позади них никто не оборачивается попрощаться, зато на стенке перед ними одинокий симпосиаст на ложе протягивает навстречу руку с кубком, радостно откликаясь на приветственный жест юноши. Очевидно, это новые гости, собирающиеся присоединиться к симпосию. Резонно предположить, что они займут места на ложах, где мужчины пока возлежат по одному. Девочка, вероятно, обеспечит музыкальное сопровождение на следующих стадиях веселья: пронзительный тембр авлоса, предшественника нашего гобоя, в отличие от мягкого звучания струнных инструментов – кифары и лиры – призван был вызывать у пирующих экстатическое возбуждение. На восточной короткой стене изображен металлический кратер, источник пиршественной и любовной энергии. Рядом – эфеб-виночерпий, готовый разливать вино гостям, единственная полностью обнаженная фигура в сценах симпосия.

Уж если лежать в могиле – более приятной обстановки не придумаешь!

Однако сенсацией стала – и остается до сих пор – верх-

няя плита погребальной камеры. Изображение на ее внутренней стороне мгновенно притягивает к себе взгляд: это тот самый «ныряльщик», от которого гробница получила свое современное название. Перед нами – пейзаж, намеченный легкими, скупыми штрихами. Слегка волнуется водная поверхность. На берегу – сооружение неясной формы, похожее на вышку с выступающим карнизом. Оттуда вперед головой прыгает в воду обнаженный юноша; движение гармоничного тела с подтянутым животом, крепкими ягодицами, вытянутыми руками и ногами отличается исключительным изяществом. Из плавного контура выдаются лишь половой член – небольшой, как это ценилось в Античности, – и поднятая голова с первым пушком на щеках: ныряльщик вглядывается в воду перед собой. Его фигура занимает необычно мало места на широком пустом фоне картины.

Лишь два филигранно выписанных дерева – одно на берегу, другое за фигурой ныряльщика – словно в любовном томлении тянутся ветвями к прекрасному эфебу. Возникает впечатление простора вольной природы, даже обрамляющая изображение линия, напоминая живой стебель, закругляется по углам, впуская в пространство картины похожие на растения волюты и пальметты.

Ныряльщик сразу стал главной достопримечательностью Пестума. Ни одна история греческого искусства не обходится без его упоминания. Французский режиссер и публицист Клод Ланцман в сборнике Гробница божественного ныряль-

щика сделал греческого эфеба символом всей своей жизни, представляющейся автору серией головокружительных прыжков в неизвестность.

Разумеется, античный Пестум и до этой находки был достаточно знаменит. Город, лежащий южнее Соррентийского полуострова, недалеко от устья реки Селе, был основан незадолго до 600 года до нашей эры греками из прославленного своей роскошью и изнеженностью Сибариса; новое поселение получило название Посейдония в честь морского бога Посейдона. Город стоит посреди исключительно плодородной равнины, где по сей день пасутся стада буйволов, обеспечивающие лучшую в Италии моцареллу. О благоденствии нового поселения красноречиво говорит его обширная застройка, сеть улиц, сходящихся под прямым углом, великолепная центральная часть с просторной агорой и монументальными святилищами.

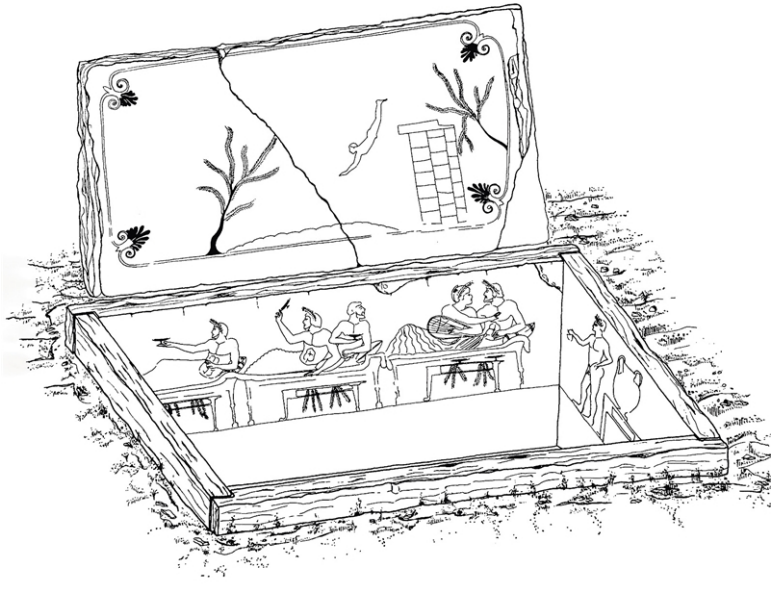
5

Эфеб, ныряющий в море. Гробница ныряльщика. Пестум. Около 480 г. до н. э.

Три величественных, прекрасно сохранившихся на протяжении многих веков храма позволяют отнести расцвет Посейдонии к VI и V веку до нашей эры. В XVIII–XIX веках европейцы, путешествовавшие по Италии с образовательным целями, по крайней мере те из них, кто, подобно Гёте, решался выехать за пределы безопасных и обустроенных Рима, Неаполя и Помпей дальше на юг, воспринимали греческие храмы Пестума – нередко единственные досягаемые памятники греческой культуры – как чуждый и в то же время впечатляющий мир. Те, кто осматривал Пестум подробно и интересовался не только храмовой архитектурой, могли осмотреть уникальную городскую стену доримской Античности:

колоссальные укрепления из известняковых квадров возводились во второй половине IV века до нашей эры, когда город в значительной мере подпал под влияние местного племени луканов, чье продвижение на морское побережье стало причиной масштабных вооруженных конфликтов в регионе – пока римляне не основали в 273 году до нашей эры здесь гражданскую колонию под новым именем Пестум.

В XX веке новые открытия еще сильнее прославили Пестум как сокровищницу античного искусства. К северу от города, в устье реки Селе, археологи раскопали святилище богини Геры; судя по всему, здесь, за пределами города, собирались в основном молодые девушки для ритуалов инициации. От двух больших культовых сооружений VI века до нашей эры сохранились многочисленные метопы – квадратные плиты с рельефными изображениями. Одна серия метоп, грубоватого стиля, содержит намного больше сцен из греческих мифов, чем их сохранилось от любой другой античной постройки: здесь и подвиги Геракла *(илл. 7)*, и Троянская война, и Аякс, в безумии бросающийся на собственный меч, и Сизиф, напрасно пытающийся вкатить камень на гору, – целая панорама героических деяний и судеб. Другая серия изображает девушек в богатых изысканных одеяниях, исполняющих соблазнительно-грациозный танец на празднике богини *(илл. 8)*. Обе серии не имеют аналогов в греческом изобразительном искусстве.



6

Гробница ныряльщика. Пестум. Общий вид погребения. Около 480 г. до н. э.

В свете этих великолепных памятников Пестум предстает оплотом эллинской художественной культуры на северной окраине греческого мира, перед лицом совсем иной, но тоже высокоразвитой культуры местного италийского населения. На севере к территории Пестума непосредственно примыкает область нынешнего Понтеканьяно, где веками торго-

вали и селились пришедшие с севера этруски, выдающиеся мастера керамики и обработки металлов. В гористой внутренней части полуострова возникли значительные культурные центры других этнических общностей. Это была эпоха широких культурных связей, диалога и конфликтов. Можно предположить, что жители Пестума в силу его пограничного местоположения выработали острое чувство культурного своеобразия.

Раскопки 1960-х годов в некрополях за городскими стенами Пестума ставили задачей не столько поиск новых произведений искусства, сколько уточнение наших представлений о социальной и культурной истории античного города. Согласно научным теориям и методам того времени погребальная утварь в захоронениях рассматривалась как важное свидетельство социального устройства. Свежеоткрытые захоронения в Пестуме, особенно гробницы IV века до нашей эры, времени растущего луканского влияния, дали совершенно неожиданный материал для такого подхода: подземные склепы оказались расписаны сценами социальной жизни новой местной элиты в характерном «эскизном» стиле. Воины вступают в поединки, возвращаются из походов; жены встречают их с сосудами для жертвоприношений *(илл. 9)*; атлеты состязаются в борьбе, беге и прочих видах спорта. Нам предстает общество, гордящееся военными достижениями и придающее большое значение социальному статусу.

7

Геракл убивает гиганта Алкионея. Метопа первого архаического храма в устье Селе. Около 550 г. до н. э.

8

Танцующие девушки. Метопа храма в устье Селе. Поздняя архаика. Около 510–500 гг. до н. э.

Но еще большей неожиданностью стало обнаружение гробницы, датируемой веком раньше, около 480 года до нашей эры. Росписи этой погребальной камеры были стили-

стически намного ближе к греческим образцам; их сюжеты также указывали на совершенно иной склад социальной жизни. Греческая Посейдония-Пестум снова одарила мир художественным шедевром, на этот раз особенно значимым для нас. Дело в том, что греческая живопись той эпохи, в Античности ценившаяся даже выше греческой скульптуры, которой привыкли восхищаться в Новое время, для нас безвозвратно утеряна. Настенные росписи гробниц до того момента были известны только из областей за пределами собственно греческой культуры – из Этрурии в Северной Италии и из Ликии на юге Малой Азии; соответственно, оставалось неясным, насколько по ним можно судить о «настоящей» греческой живописи. Теперь же перед нами предстал уникальный памятник живописи греческого запада времен его расцвета, засвидетельствованного знаменитыми храмами Пестума!

9

Возвращение воина. Луканская гробница. Около 360 г. до н. э.

Для археологов, отвечающих за раскопки, счастье от выдающейся находки нередко сопряжено с огромными проблемами. Руководитель раскопок не смог присутствовать

на вскрытии гробницы, ему не досталось восторга первого взгляда на вновь открытое чудо – зато пришлось незамедлительно принимать решения. Потолочную плиту гробницы в тот же вечер пришлось перенести в музей, необходимо было обезопасить место раскопок на ночь от возможного воровства, и еще до рассвета, до губительного попадания солнечных лучей, демонтировать гробницу и доставить плиты ее стен в хранилище. Также надлежало в кратчайшие сроки проинформировать о сенсационной находке прессу и общественность – и в то же время оградить хрупкую живопись от потенциальных повреждений. Меры по консервации красок, грозящих в любую секунду исчезнуть, нужно было принимать немедленно – притом что необходимые сведения об их составе и технике нанесения еще только предстояло получить. И научная, и широкая общественность нетерпеливо требовала первых результатов и разъяснений раньше, че м могло быть проведено серьезное научное исследование. Специалисты высказывали противоречивые – и зачастую необоснованные – мнения. Однако Марио Наполи со своей задачей справился. На долгие двадцать три месяца, он поместил фрески под замок в темном помещении для медленного просушивания и профессиональной консервации; в то же время он щедро открывал доступ специалистам, а по истечении двух лет выставил находку в музее на обозрение широкой публики, подготовив специальную монографию.

02
Эсхатология или быт?

Чем необычнее памятник ушедшей культуры, тем труднее нам его понять. Историческое истолкование удается проще и убедительнее всего, когда мы можем поставить артефакт в ряд ему подобных, тем самым он получает объяснение в известном контексте данной культуры и социума. Куда труднее интерпретировать уникальные свидетельства прошлого. Как нам разобраться, что они означали в свое время, если мы не знаем, каков их культурный фон? В особенности это касается изобразительных памятников, которые «говорят» с нами далеко не так ясно, как тексты. Пестумская фреска с потолочной плиты на первый взгляд «читается» легко: юноша хорошо натренированным броском ныряет с вышки в воду. Но что означало это изображение для жителей Посейдонии-Пестума в V веке до нашей эры? Это любимое занятие умершего? Или распространенный обычай? А может быть, это вообще не сцена из жизни, а порождение фантазии? Символ, метафора? И что эта композиция может означать в погребении?

Гробница ныряльщика скупа на дополнительную информацию. Погребальный инвентарь, по которому можно было бы судить о социальной роли покойного, крайне немного-

числен и невыразителен; остатки скелета, по которым можно было бы определить пол и возраст покойного, рассыпались в прах сразу после вскрытия гробницы. Самый общий контекст современная наука извлекает из формы и материала гробницы: прямоугольная камера из известковых плит – обычная форма богатого захоронения в Посейдонии-Пестуме. Известны в этом типе погребения и цветные росписи по штукатурке на внутренней стороне стен, однако фигурные изображения встречаются среди них лишь один раз – в ныне утраченной гробнице из Капуи. Можно, кроме того, заподозрить влияние больших архаических склепов Этрурии с их богатым живописным декором, также в окрестностях греческого Коринфа был найден саркофаг с изображением львов на внутренней стороне крышки. Судя по всему, пестумскую гробницу создавали для представителя местной элиты. Но это не объясняет уникальности росписей, в особенности «ныряльщика».

Такого рода загадочные находки часто пробуждают у исследователей бурную фантазию, а широкая публика в силу завышенных ожиданий с особой готовностью верит хитроумным интерпретациям. И конечно, раз речь идет о погребении, ожидания эти направлены в первую очередь на образы умирания и вечной жизни. Символы смерти, эсхатология и мистерии активно привлекаются для объяснения. Communis opinio (общее мнение) о *Гробнице ныряльщика* прописано в википедии: «Почти все исследователи согласны, что речь

здесь идет о прыжке в глубину не в буквальном, а в переносном смысле, как символе перехода из смерти в потустороннюю жизнь». У образованной публики быстро сложилось представление, что росписи этой гробницы не просто увековечивают память о спортивных достижениях какого-то неизвестного нам умершего – нет, прыжок в море символизирует пороговое состояние между жизнью и смертью. Для неподготовленного читателя метафизическое истолкование обладает неотразимой притягательностью. Кому захочется перед лицом таких глубин стать на сторону скучных «реалистов», видящих в композиции лишь отрадную сцену южного приморского быта? Тем более что плавание и ныряние не были у греков популярными занятиями, во всяком случае, они не входили в число престижных видов спорта, которыми можно было прославиться на соревнованиях в Олимпии и Дельфах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.